

Людмила Красильникова

**Любит — не любит.
Школьный роман**

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-3-93
ББК 83.8
К78

Красильникова Л. Е.

Любит — не любит. Школьный роман / Красильникова Л. Е.;
худ. Жуков П. А. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 116
с.

ISBN 978-5-532-92962-3

О влюбленности и ревности, дружбе и предательстве — о том, через
что проходят взрослеющие дети. Действие происходит в школе.

ISBN 978-5-532-92962-3

© Красильникова Л. Е., текст, 1982
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

1	5
Появление в классе новенького	5
2	10
В гостях у Кости	10
3	16
Новые соседи	16
4	18
Борисов становится в классе своим	18
5	22
Джинсы как мечта	22
6	28
Разговор с мамой об одежде, коммерции и расчете	28
7	38
Школьное мероприятие	38
8	41
День рождения Сочина	41
9	49
Неожиданное окончание праздника	49
10	53
Ночной разговор	53
11	57
Урок географии	57
12	65
В школе	65
13	74
Ссора с Костей и слезы	74

14	78
Я заболела	78
15	83
Зимние каникулы	83
16	88
Драка	88
17	96
Примирение с Костей	96
18	100
Не включайте чужой магнитофон	100
19	104
Математик на мне ставит крест	104
20	106
Я больше не комсорг	106
21	109
Борисов стал ко мне безразличен	109
22	115
Утро вечера мудренее	115

Появление в классе новенького

Я вынула из школьной сумки дневник и заметила на обложке пятно рядом с нарисованным солнцем, которое освещало плывущий по голубым волнам парусник. И откуда взялось? Будто замерли на бумажном небе два светила: желтое и темное – грязное. Похоже на свет и тень.

Сняв обложку, увидела, что дневник не подписан: надписи на обложке было достаточно, а без нее он стал безымянным. Взяв шариковую ручку, я аккуратно написала: «Борисовой Александры, ученицы 9 «А» класса».

– Ты еще б в конце года это сделала! – хихикнул повернувшийся ко мне Славка Антонов, сидящий впереди меня. – Вторая четверть заканчивается, а ты только сейчас надумала подписывать дневник! – сказал он, наблюдая, как я вывожу: «1979-80 учебный год».

Волосы Антонова торчали в стороны, воротничок рубашки криво топорщился. Я смяла в кулаке снятую с дневника обложку с корабликом и сунула бумажный комок в руку Антонову:

– Слава, выброси, а! Я тебе конфетку дам!

– Сама ешь свои конфеты! – буркнул он недовольно, но поднялся из-за парты.

И тут же опустился на место, потому что дверь в класс отворилась. Все притихли. В проеме появился худой большеглазый мальчишка, бледный, с непослушными волосами цвета соломы, в широком для его узких плеч костюме, а следом вошел грузный Алексей Иванович, наш добрый историк. Он ведет у нас уроки с пятого класса и с самого начала к каждому из нас стал обращаться на «Вы».

– Борисов, – сказал Алексей Иванович, кладя руку на плечо мальчика.

«Этого еще не хватало, – подумала я, ловя на себе взгляды одноклассников, —однофамилец выискался».

– Саша Борисов – наш новый ученик, ваш новый товарищ. Прошу любить и жаловать.

Новенький открыто, доверчиво, но с интересом, оглядел ребят, его глаза остановились на мне. Алексей Иванович убрал с плеча руку.

– Садитесь за парту, Саша.

«С ума можно сойти! Мало того, что Борисов, он еще и тезка. Антонов опять по-идиотски хихикает. Дурак несчастный. Впрочем, сейчас всем смешно», – заметила я, хмуро наблюдая, как новенький смущенно усаживается именно за мою парту. Я обвела всех озлившимися глазами и уткнулась в учебник. Скоро придет Костя и избавит меня от этого заморыша. Пусть посидит рядом, порадуетя.

– Итак, начнем урок, – прервал смешки и переглядывания учитель, – прошлый материал напомним нам...

Наступила тишина, нарушаемая шелестом страниц. Авторучка в руке Алексея Ивановича скользнула вдоль столбца и вернулась к первым фамилиям.

– Антонов.

Все сразу оживились, некоторые зашептались. Антонов с удрученным видом протопал к доске. Я злорадно улыбнулась. Но тут сбоку новенький зашептал:

– А что вы проходите?

– Не знаю.

Я не собиралась с ним разговаривать и даже не посмотрела на него. Почему его в наш класс записали? Теперь все будут интересоваться: «Вы не брат и сестра?». С этой фамилией сроду себе родственничков находишь. То ли дело Костина фамилия – Осинин. Такую редко встретишь. Слава Богу, девчонок нечасто называют Александрями. По крайней мере, во всех старших классах я – единственная.

– Итак, Антонов, объясните мне все-таки, каково значение Ленских событий?

– Велико, – пробормотал тот, красный, как рак, и еще раз убежденно произнес: – Значение Ленских событий велико.

– Правильно, Слава, но почему? Какую они сыграли роль в развертывании революции?

– Большую. Они сыграли большую роль в развертывании революции.

– Может быть, Виноградов нам подскажет, какую именно роль? Не знает Виноградов... Ну, тогда Борисова.

Мне стало как-то нехорошо. Вчера я весь вечер просидела у Кости, и заглянуть в учебник – не было времени. Притом я получила пятерку в прошлый раз и потому накануне этого урока была спокойна.

Я встала, не отрывая от парты глаз. Слышно было лишь шуршание страниц.

– Так, и Борисова не знает. Может, нам Борисов ответит?

Все головы с любопытством повернулись к новенькому. Он покраснел и поднялся.

– Ленские события явились началом революционного движения. Ленин сказал: «Ленские события зажгли массы революционным огнем».

– Вот это ответ: четкий, краткий, но исчерпывающий. Кстати, этой цитаты в учебнике нет. И то, что Борисов ее отыскал и запомнил, достойно похвалы. Садитесь, Борисов. Отлично. Начинаем новый урок: «Наш край в годы первой русской революции».

На мою парту упала записка. В ней печатными буквами было написано: «Рыбак рыбака видит издалека». Я посмотрела на оглянувшегося Антонова. Он быстро отвел глаза и сделал невозмутимое лицо. Дурак. Умного ничего придумать не может.

На перемене ко мне подошла Ира Редькина, высокая, пышноволосяя, уверенная.

– Сашок, милая, не расстраивайся. Двойку тебе Иваныч все равно не поставил, я посмотрела в журнале.

И, поглядывая на моего соседа, громко зашептала:

– У Кости была? Когда же он в школу придет?

– Скоро.

Я ничего больше не сказала, хотя удивилась: я знала, что Ира вчера тоже заходила к Косте, якобы по поручению класса, он мне сам

сказал. К чему притворяться? Или она хочет намекнуть новенькому, чтобы он скорее убирался с этого места?

Ирка – моя подруга. Она отличница и наш лидер по математике. Гордость класса и школы. Раньше я дружила с Верой Еременко. Она добрая, но из-за своей требовательности и ужасной честности плохо сходится с людьми. Я была ее единственной подругой. Но я не могла постоянно говорить о литературе и искусстве, а другое ее не интересовало. Ирка совсем иная. С ней можно говорить о себе. Когда я ей рассказываю о своих заботах, о Косте, на лице у нее всегда искреннее внимание, а не скука. Мне сразу стало легче: это здорово, оказывается, когда есть с кем поделиться, и тебя понимают, а не критикуют. И потом, она несомненная будущая медалистка, и все девятиклассники смотрят на нее снизу вверх. Ирка, знаю, любит меня меньше, чем, Вера, но мне с ней легко, у нее нет этих строгих глаз, и у нас общие друзья.

Может быть, я не стала бы Ириной подругой, но все получилось как-то само собой: где были мы с Костей, там был его друг Вовка Сочин, а где он – там Ира.

Вера сразу не одобрила моих новых приятелей. О Косте она сказала, что он «ничего хорошего». Это Костя-то, от которого без ума даже девчонки из других классов! А с Сочиным Вера жила по соседству еще в старом районе. По ее словам, он знал все подворотни, водил дружбу со всеми сомнительными компаниями, даже кличку имеет среди них, кажется, «Король». Воспитывался без отца у очень умной, но постоянно перегруженной работой матери. Вот из Сочина и получился гибрид уличного и домашнего воспитания.

«При желании умеет пустить пыль в глаза, – сказала Вера, – но ты бы слышала, какими словечками он может сыпать! Бр-р... Ужасно скользкий и неприятный тип».

И хотя мне бывает грустно без Веры, я не могу прийти к ней. Ее обидчивую честность я еще как-нибудь перенесла бы, но она не потерпит моих нынешних друзей.

Ах, нет, и максимализм ее мне надоел. Вера хочет видеть меня правильной, как чертежные линии. Не хочу быть правильной, не могу поступать, как кем-то предписано. Это скучно. И почему я

должна быть исключением, когда, как говорится, и на солнце есть пятна? Мне жалко Веру, но не дружить же только с ней из-за того, что она ко мне так привязалась!

В гостях у Кости

Домой я пошла одна. Ирка побежала в ателье: к Новому году она шьет какое-то сверхмодное платье. «Сочин будет в шоке, когда увидит меня на вечере», – уверяет она.

В спину мне ударил снежок, но я не обернулась: это опять Антонов. Под ногами хрустел снег, под белым солнцем он вспыхивал холодными звездами. Ветки деревьев были подернуты шершавым инеем, как парчой. Я шла медленно, наслаждаясь хрустальной ясностью зимнего дня, и пыталась сочинять стихи о снеге, но в голову приходили чужие строчки и избитые рифмы.

– Дивная погодка! – раздался голос Борисова.

Как только я не заметила, что он идет рядом?

– Вот организовать бы поход на лыжах! Всем классом в каникулы. Лес близко...

Разговаривать мне с ним не хотелось, но я не удержалась:

– Ты что, одиночка-энтузиаст?

– Почему одиночка? И разве для того, чтобы пойти в лес на лыжах, надо быть энтузиастом?

– Да кому это надо!

Он замолчал. Ветки деревьев, под которыми мы проходили, качнулись, и нас обсыпало маленькими снежинками.

– Как красиво! И школа у вас новая. Красивая... Есть даже компьютерный кабинет, – опять начал разговор Борисов.

– Школа, как школа, – пожала я плечами, – сейчас все такие. Типовые. И кабинеты во всех. А ты из деревенской, что ли? – я хихикнула.

– Нет, но я учился в старой школе. Она была построена еще до войны. А в войну в ней был госпиталь. Но все равно та школа – хорошая!

– Что ж ты ушел из своей хорошей школы?